

Л. Н. Панченко

ПЕРСОНАЖНАЯ СТРУКТУРА МАНСИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА: ЛЕСНОЙ МУЖЧИНА МИСХУМ

Мансийский фольклор предоставляет богатейший материал для исследований в области фольклористики, лингвистики, этнографии и других наук. Осмысление фольклорных жанров и образов открывает новые перспективы для изучения представлений, отражённых в национальных кодах и символах. Персонажами фольклора являются люди, животные, стихии, фантастические (мифические) существа. В данной статье мы остановимся на одном персонаже – Мисхуме. В мансийском фольклоре он представлен как лесной мужчина, основная функция которого – помогать лесным жителям, охотникам, обездоленным сиротам. Мисхум входит в локальную группу персонажей, живущих в лесу. Обширные сведения о нём содержатся в сказках, быличках и мифах.

Цель исследования – системный анализ образа Мисхума на материале фольклорных текстов и народных представлений.

Материалами для исследования послужили полевые записи автора, а также тексты мансийских сказок, опубликованные в различных фольклорных сборниках, в периодической печати.

Статья дополняет научные знания о фольклоре манси. Впервые проведен многосторонний анализ образа Мисхума, описана система выполняемых им функций. Антропоморфизм, тенденция к социализации отличает фольклорный образ от мифологического. Способность к метаморфозам, стремление оказывать помощь, одаривать людей волшебными предметами и умениями, – все эти качества позволили возвести Мисхума в ранг высших существ. В традиционных представлениях отдельных локальных групп манси Мисхум возвеличивается до статуса духа-покровителя.

Комплекс запретов, ритуальных действий, система оберегов, существующих у манси, определяют границы и степень взаимодействия человека с Мисхумом. Материал открывает перспективы для продолжения исследований персонажной и сюжетной структуры мансийского фольклора.

Ключевые слова: мансийский фольклор, лесной мужчина, Мисхум, запреты, сказки, былички, мифы, антропоморфизм, социализация, функции, символы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-60-71

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных систематизации представлений о мансийских фольклорных персонажах, обитающих в лесу [Панченко 2018, 658–671; Panchenko 2018, 231–235; Панченко 2019, 692–701].

Одним из наиболее часто встречающихся в мансийских сказках и быличках героев является Мисхум, лесной мужчина. Исследовательский интерес к изучению этого образа обусловлен рядом причин. Во-первых, несмотря на множество работ, освещающих религиозно-мифологическую картину мира манси, Мисхум не становился объектом детального изучения этнографов и фольклористов. Исследователи ограничиваются, в основном, упоминанием о существовании Мисхума или приведением крайне фрагментарных сведений о нём. Во-вторых,

данный персонаж очень популярен в Медвежьих игрищах. Сложившаяся ситуация актуализирует вопрос о Мисхуме и его функциях, зафиксированных в мансийских фольклорных текстах.

Базу исследования составили тексты мансийских сказок и быличек, опубликованные в сборниках, а также полевые материалы автора. В статье использовались культурно-исторический, описательный и сопоставительный методы исследования.

По поверьям манси, в лесу живут лесные люди *вõр мǎхум*. В эту категорию включают и *Мисмǎхум* (в мужской ипостаси Мисхум, в женской – Миснэ). По рангу они выше, чем *мёуэк’ы* и *ўтьси*. В сказках Мисхум отнесен к разряду положительных героев. Не углубляясь в вопрос о конкретизации эпохи возникновения данного персонажа в фольклоре манси, обратим внимание на то, что Урал и его предгорья были заселены в мифологическое время, с которого идёт отсчёт эпохам. Каждой эпохе соответствует жанровая классификация фольклорных мансийских текстов: 1) *мǎ ўнтнэ йис* ‘эпоха, когда устанавливалась земля’ и *эрыг йис пõра* ‘песенное древнее время’; 2) *нǎй-õтырыт пõра* ‘эпоха героинь-богатырей’ или *тэрныу эрыг пõра* ‘песенных сражений эпоха’, т.е. героические сказания о богатырях и богатыршах (великанах); 3) *мõйтыу пõра* ‘сказочное время’. Мисхум фигурирует во всех трёх эпохах, но при этом его функции на каждом этапе различны. Нас интересует эпоха «сказочной поры», где он наделяется дидактическими функциями, проявляет себя как охотник и регулятор границы «своего и чужого» [Панченко 2019, 605–614].

Вопрос о формировании мифологического персонажа на ранних этапах более подробно рассмотрен в работах С. А. Поповой «Древнее население Северного Урала по мифам северных манси» (2017) и «Миграции манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси)» (2016). Для нашего исследования важно, что Мисхум и менкв представляют одно историческое время и являются в сказках персонажами (образами) лесного локуса. Так, Е. И. Ромбандеева, давая определение мисмахумам, в частности, отмечала, что мис – это люди лесных просторов и лесных богатств, родословная которых восходит к этнической группе Мось (Мош). Они являются первопредками манси [Ромбандеева 1993, 46]. В дневниковых записях В. Н. Чернецова отмечено, что «Мисхумы являются потомками богатырей – сыновей верхнего бога», что «Мисмахумы – это таежные родственники людей, составляющих фратрию Мось, а Менквы ассоциируются с фратрией Пор» [Источники по этнографии... 1987, 45]. Н. В. Лукина пишет, что Мис «на Сосье – это дети менквов» [Лукина 1990, 22]. Подтверждения данному высказыванию в фольклорных текстах нами не было найдено. В словаре Б. Мункачи и Б. Кальмана (1986) слово *mis* определяется как ‘удачу приносящий дух’, *Mis-xum* ‘благожелательный дух, призрак, лесной человек» [Munkácsi, Kálmán 1986, 309].

Аналогичный образ имеется и в фольклоре других народов: *Миш Хо* (хант.). *Вõрись* (коми-перм.), *Нюлэсмурт* (удм.). Функции этих персонажей практически идентичны, за исключением некоторых деталей. Например, удмуртский *Нюлэсмурт* и коми-пермяцкий *Вõрись* более подвержены метаморфозам, могут быть и преклонного возраста, функции их более обширны. Так, Лесной дух в представлениях коми-пермяков имеет разные ипостаси. Во-первых, он может представать в виде природных явлений и объектов. Чаще всего это ветер или вихрь. С ним также связывают появление тумана. Он обладает способностью превращаться в деревья, пни или чурки. Перед человеком может показаться в виде ворона, зайца, собаки, медведя [Голева 2010, 95]. Удмуртский Нюлэсмурт способен менять свой облик в зависимости от обстоятельств. Перед тем, кто ему симпатичен, может визуализироваться в виде обыкновенного человека, перед тем, кого он желает наказать, предстаёт в страшном облике [Владыкина 2009, 24].

Работа с текстами мансийских сказок показала, что иногда Мисхум именуется как Лесной дух. Наблюдается подразделение на *ўр Мисхум* ‘горный Мисхум’ и *вõр Мисхум* ‘лесной Мисхум’. Однако при обращении к ним одновременно применительны оба эпитета: «*Ўр Мисхум Вõр Мисхум*». Можно сделать вывод, что Мисхум не привязан к определенному месту обитания, ареал его проживания не имеет чётких границ.

У него полно лабазов с продовольствием и пушниной как в горной местности, так и в лесной чаще: «*Вõрыу пал сǎв сўмьях тǎгиньтапты, ўрыу пал сǎв сўмьях тǎгиньтапты* ‘Лес-

ной стороны множество лабазов наполняет, горной стороны множество лабазов наполняет» [Kannisto 1959, 78]. К этому описанию можно добавить и сведения Б. Мункачи: «...Mis живут на Семигорье с соболиными хребтами, во многих лесах с лосиными хребтами» [Мифология манси... 2001, 91]. У манси существует такое поверье: «Если в бору появилось много лосей и соболей, значит, там поселился Мисхум» (Зап. от Хозумова Николая Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовский район, 1932 г.р.). По утверждению одного из информантов В. Н. Чернецова, «Мисхум – это добрые существа. Они чрезвычайно богаты и посылают также богатства людям. Встреча с Мисхум приносит счастье. Самые черные соболи (сорменг пун нёхс¹) – это соболи, посланные народом Мис ...» [Источники по этнографии... 1987, 37]. Многочисленные олени стада, богатое убранство дома, полные лабазы шёлка, сукна и пушнины у Мисхума нашли своё отражение в сказках. Так, в сказке «*Павылъёр и кит айииг урыл* ‘Про Павылъёр и двух девушек’» девушка, выйдя замуж за Мисхума, становится богатой: «*Кон квāлы, вёр ййве мōсься, тасāвит сāлын та ёхтыма <...> Юв-сялты, айитэ кол тйврет йй хантāl, нёхс хантāl сяр акв тёрсолъ айтим <...> Айитэ татем сёлыныг ёмтум: ярмак тйвырт ёмыгты <...> Сбргынтэп, майиштэп, винау пасаныл вāрыглавес <...>* ‘Вышла – в лесу деревьев меньше – вот сколько оленей к ней пришли <...>. Входит в дом – у дочери в доме нет ни одного гвоздя, чтоб на нём не висели звери (меха), соболя чтоб не висели <...>. Дочь его такой богатой стала: в шелках ходит <...> Еду для живота, медовую еду, стол с вином накрыла’» [Иванова 2015, 88]; «*Ур Мисхумыг, вёр Мисхумыг холтāl хāрыу сярк тэн оньсёг* ‘У горных Мисхумов, у лесных Мисхумов есть неубывающее стадо быков-самцов’ [Мифы... 2005, 152–156].

Согласно мифам, в древности лесной народ чаще контактировал с людьми, вёл с ними торговлю, обменивая пушнину на продовольствие и шёлк. Так, в сказке «*Эква-пыгрисъ ялтыу мōйт* ‘Священная сказка об Эква-пыгрисе’» зафиксирован подобный сюжет: Эква-пыгрисъ со своей русской женой Ватахум-Аги обменяли тюки тонкого шёлка, тонкого сукна на стадо оленей [Мифы... 2005, 162]. Отметим, что истории о торговле с лесными людьми встречаются в фольклоре и у других народов. Например, удмурты полагали, что ни одна ярмарка не проходит без Ньюлэсмурта. Этот персонаж также участвовал в различных войнах и сражениях [Владыкина 2009, 26].

По поверьям манси, Мисхумы живут в больших просторных домах из лиственницы: «*сāt сампа лай наук ййв кол* ‘в доме из лиственницы с семью углами’», с двойными дверями. Так, в сказке «*Эква-пыгрисъ ялтыу мōйт* ‘Священная сказка об Эква-пыгрисе’» есть комментарий: «*Ульпайив латан āви, нāнкийив латан āви – акватэ кональ нўсхаты, акватэ ювле нўсхаты, титпис āвил блэгыт. (Тāн мат мōйтаныл, йисэ-нотэ пāсыл тāl блнэ сираныл та – титпис āви)* ‘Добротные двери из кедра, добротные двери из лиственницы – одна из них наружу открывается, другая вовнутрь открывается. Они за двойными дверями живут. (С давних времён в сказках о них говорится, что они живут за двойными дверями)’» [Мифы... 2005, 150–151]. Двойные двери не характерны для бытовой культуры манси. Большое количество дверей (две или семь), как и сами дома из лиственницы встречаются только в молитвах к верховным божествам и духам-покровителям. Можно предположить, что двойные двери символизируют границу перехода из одного мира в другой, то есть из мира высших сил в мир людей, и способность перехода свойственна тем, кто имеет божественное происхождение.

Согласно мансийскому преданию «*Мисмахум урыл пёс потыр* ‘Легенда о народе Мисмахум’» (Зап. от Хозумова Николая Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовский район, 1932 г.р.), Мисмахумы созданы Нуми-Торумом в один день с менквами. Подтверждение этому находим в записях Н. Л. Гондати: «*Мисъ хумъ съ женой – мисъ нэ и съ дгътми – мисъ няурамъ, созданные нуми въ одинъ день съ мэнквами*» [Гондати 1888, 35]. Возможно, создавались они из того же материала, что и менквы, то есть из лиственницы. Однако в монографии С. А. Поповой «Обряды перехода в традиционной культуре манси» сообщается, что деревом Мисмахум считается ель, так как она защищает их дом [Попова 2003, 34–35]. В. Н. Чернецов во время своих по-

¹ Возможно: 1. Сэмыл пун нёхс ‘с чёрным пухом соболи’; 2. Сбрниу пун нёхс ‘с золотым пухом соболи’.

ездок по северной Сосьве записал следующие сведения: «Менкв имеет вид ели (хонт²), поэтому из ели нельзя делать таганы, и ель считается деревом менква» [Источники по этнографии... 1987, 151]. В предании, записанном от информанта Н. И. Хозумова, говорится, что было нарушение запретов, за которые менквов обратили в ели (Зап. от Хозумова Николая Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовский район, 1932 г.р.). В фольклорном сборнике М. В. Кумаевой «Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси» зафиксирована история, когда Миснэ, покидая человеческий дом, подвесила своего ребёнка, рождённого от человека, именно на самую высокую ель [Кумаева 2012, 152–153]. Из этих сведений следует, что ель всё же ассоциируется с менквами. Подтверждение тому, что менквов связывают с елью, находим также и в монографии С. А. Поповой. Исследователь пишет: «<...>на берегу этой реки стоял дом, в котором проживали Мисхум и Миснэ, но когда стали появляться люди, они ушли в лес <...>. Когда-то возле деревни стояли три огромные ели – это были менгквы – хонт ‘войско’ воины, они охраняли дом *мис* ...» [Попова 2003, 34–35]. И в местах локализации менква вырезают его личину именно на ели. Одним из средств умерщвления менква также является ель [Панченко 2018, 658–671], что ещё раз доказывает сопричастность великана к этой породе дерева. Согласно сведениям, записанным И. М. Гемуевым и А. М. Сагалаевым, деревом Мисхума считается кедр (*Мисхум ййв*) [Гемуев, Сагалаев 1986, 88]. На священных местах, также в местах контакта с лесным существом, изображение лесного человека манси вырубает именно на кедре. Таким образом, о жёсткой закреплённости за персонажем определённой породы дерева нет ясных и точных сведений в текстах. Хотя такое разночтение древесных символов можно объяснить территориальным расположением локальных групп манси: в одной местности преобладают одни породы деревьев, а в другой – иные.

У исследователей также разнятся некоторые детали описания внешности Мисхума. Например, Б. Мункачи указывает на то, что «*mis* очень похож на обычного человека, имеет человеческий облик, он очень высокий, выше дерева, у него очень большие ресницы...» [Munkácsi, Kalman 1986, 309]. Н. Л. Гондатти отмечает, что «...*Мисъ хумъ имѣеть человѣческой видѣ, только очень высокаго роста, выше дерева, и съ громадными бровями...*» [Гондатти 1888, 35]. Для сравнения укажем, что характерной чертой коми-пермяцкого *вõрись*, наоборот, считается отсутствие бровей и ресниц; при этом он часто наделяется зооморфными деталями облика, которые становятся признаком его отличия от людей: волосатостью, копытами, рогами, беспалостью [Голева 2010, 95]. В текстах мансийских сказок Мисхум представлен в виде обыкновенного человека, но очень высокого роста и с наличием кос, как и у древних представителей манси. Здесь он показан положительным героем, без изъянов. Но в быличках очевидцы описывают его портрет с телесными аномалиями, которые проявляются в виде длинной шеи и семипалой руки. Таким образом, фольклорная характеристика Мисхума позволяет нам выделить несколько наиболее ярких внешних его признаков. Это косматые брови и ресницы, высокий рост, волосы, заплетённые в косы. При описании внешности Мисхума в сказках встречаются такие эпитеты, как *нѣхсыу вѣуын* ‘с соболиными плечами’, *ййу вѣуын* ‘со звериными плечами’, *нарыу пыг* ‘священный сын’. В сказках отмечены, таким образом, не только богатство его одеяния, но и мужественность, величие: «*Нѣхсыу вѣуын нумипӓлн, ййу вѣуын нумипӓлн лэгыу нѣхс ёмас таглум, пуныу нѣхс ёмас таглум та массум...* ‘На соболиные плечи, на звериные плечи (свои) хорошую одежду из хвостатых соболей одел, хорошую одежду из пушистых соболей одел’» [Kannisto 1959, 78]. В фольклорных текстах одежда Мисхума всегда белая, что также подчеркивает его божественный статус. Преобладание белого цвета можно признать доминирующей чертой внешнего облика. В цветовой характеристике одежды, волос и общего образа лесного духа *вõрись* (коми-перм.) также преобладает белый цвет. Согласно традициям манси, белый цвет символизирует чистоту и божественное начало. Например, для жертвоприношения духам-покровителям предпочтительнее животные белой масти; приклад должен состоять из ткани светлых тонов и белых, светлых монет. Известно, что дух-покровитель Ураль-

² Возможно, имеется в виду хõвт ‘ель’.

ских гор *Нёр-Ойка* представлен в белых одеяниях. Так, в сказке «*Савалап а́гирись* ‘Сиротка’» Мисхум является перед девушкой именно в белом одеянии: «*янк в́ил, янк п́орхал масхатым д́лы* ‘в белых пимах, в белой парке одет’» [Мифы... 2005, 226]. Одежда более подробно описана в сказке «*Эква-пыгрись ялпыу м́йт* ‘Священная сказка про Эква-пыгриса’». Здесь Мисхум предстаёт в верхней распашной одежде, как пальто, сшитой из шкуры соболя [Мифы... 2005, 152]. Распашная мужская верхняя одежда также не характерна для культуры манси.

Согласно фольклорным текстам, там, где есть менкв, всегда появляется Мисхум. С Менквами он держится отстранённо, не конфликтует, но и лишний раз не стремится к общению и дружбе. Границы их проживания и охоты обособлены. Так, в сказке «Два охотника», потеряв своего спутника-человека, Мисхум отправляется к Менквам и спрашивает у них: «*Н́ан хотитын ам ё́рум нупыл ё́мыгта́нке ялыс?* ‘Кто из вас ходил в мою сторону охотиться?’» [Тáгт ос Сакв м́хум...2001, 72]. Мисхуму под силу убить Менкву: «*Ё́масыл та́ухёгын ке, тыг маелын, ам науын алылум. (Тав ул Мисхум ё́рнуве Мё́нквыл)* ‘Если хочешь по-хорошему, дай сюда, [иначе] я тебя убью’» [Тáгт ос Сакв м́хум...2001, 72].

По поверьям манси, Мисхум всегда чрезвычайно удачлив на охоте. Данная характеристика также является подтверждением его особого статуса. В сказках Мисхум фигурирует как ловкий и удачливый охотник, никогда не возвращается без добычи: «*Сэ́мыл й́йв й́йвыу в́орыт в́орыу пал сáв с́умъях та́гиньта́нты, у́рыу пал сáв с́умъях та́гиньта́нты* ‘С чёрными деревьями в черном лесу, лесной стороны много лабазов наполняет, горной стороны много лабазов наполняет’» [Kannisto 1959, 78–80]; «*Мисхуме сяр сэ́мыл, выгы́р у́йил лап-та́гталахта́м* ‘Мисхум весь обвешан чёрными и красными зверями’» [Попова 2001, 70]. Примеров, характеризующих силу и ловкость Мисхума, в фольклоре достаточно много. Такой промысловой удачей могут одарить и человека. Так, удачливых от природы людей, манси, сравнивали с народом Мис, говорили: «*Мат ху́рип мат Мисхум, Мё́нквхум тав та д́лум!* ‘Он, вероятно, из рода Мис, из рода Менквов’» [Мифы... 2005]. Такое утверждение позволяет предположить, что были зафиксированы семейно-брачные отношения с лесными людьми.

Фольклорные тексты отражают несколько семейных моделей проживания Мисхума. Нами выделено четыре таких модели:

1. Отец с дочерью (сказка-песня «*Миснэ м́йт-эрыг*»);
2. Брат и сестра (сказка «*Эква-пыгрись ялпыу м́йт*). Иногда количество братьев или сестёр варьируется (сестра и два брата; сестра и шесть, иногда семь братьев; два брата и две сестры);
3. Мисхум с человеческой женщиной (сказки «*Сáвалап а́гирись*», *Пáвыльёр ос кит а́гигы́ урыл*»);
4. Сын и мать (текст «*Тáгт Талых Мисхум. Тулыглан*»).

Эти модели позволяют сделать вывод, что одним из способов происхождения данного персонажа является: а) рождение от брака с человеком; б) рождение от брака с представителями своего же рода. Согласно быличкам, содержащим свидетельства о похищении и подмене человеческих детей лесными людьми, можно говорить ещё об одном способе продолжения рода. По словам информантов, Мисхумы крадут или подменивают человеческих детей, возможно, для улучшения рода, то есть «меняют кровь». Подмененные дети отличаются от человеческих тем, что их голова больше, и ходить они не могут. Один из таких эпизодов якобы был зафиксирован в деревне Хошлог (Берёзовский район). Женщина, оставив своего ребёнка в люльке на покосе без присмотра и без оберегов, вернувшись с работы, обнаруживает чужого ребёнка. Его она воспитывала как своего. Этот ребёнок достиг возраста юноши, общался с деревенскими детьми, был очень добродушен, но так и не научился ходить, всё время ползал на четвереньках, его голова была больших размеров (Зап. от Хозумова Петра Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовский район, 1952 г.р.). В сюжете этой былички дана однозначно отрицательная оценка Мисхума. В связи с этим случаем существует запрет, согласно которому нельзя оставлять детей одних, без охраны и оберегов. Данный запрет в среде манси до сих пор актуален и неукоснительно соблюдается.

В представленных семейных моделях именно Миснэ – лесной женщине отведена доминирующая роль. Мисхум прислушивается к мнению сестры и матери, подчиняется их воле, что подтверждает предположение Е. И. Ромбандеевой о том, что в обществе Мисмахум, возможно, существовал матриархальный уклад [Ромбандеева 1993, 38]. Но в браке с человеческой женщиной Мисхум проявляет качества хозяина и мужа, так как человек для лесных людей существо сакрально «нечистое». Вступив в брак с Мисхумом, женщина продолжает вести традиционный для манси образ жизни, но перенимает качества лесных людей, то есть становится невидимой для посторонних. Она не общается с сородичами. Только в единичных случаях, с разрешения мужа, она может посетить своих родных. Так, в хантыйской легенде «Йыс ясэң ‘Старинное сказание’» девушка, ставшая женой Лесного духа, только единожды посетила своих родителей и показала им ребёнка. В дальнейшем благосостоянием родителей занимался только сам Лесной дух, но при этом всегда был невидим [Сказки... 2013, 157]. Помощь со стороны лесных существ поступает только в том случае, если родители девушки были добры к ней. Например, в мансийской сказке «Сиротка» только престарелый отец заслужил доверие зятя [Мифы... 2005, 223].

Богатые и состоятельные Мисхумы исключительно редко предстают перед людьми – лишь в тех случаях, когда человеку требуется помощь. Общаются они с человеком как с младшим неразумным братом, которого можно пожуричь за непослушание, наказать, но при этом помочь и подсказать верное решение. Так, в сказке «Два охотника» Мисхум оберегает человека, советует ему, как следует себя вести, чтобы не попасть в беду. В сказке «Наскасыг сака мори ул сяр-ген ‘Зря не ворчи’» Мисхум наказывает охотника за то, что он всегда был недоволен своей добычей. В наказание ему дается целый ворох белок, с которых он должен к закату снять шкурки и прибрать мясо. При условии успешного завершения дела его будет ждать награда, при неуспешном исходе – его заберёт к себе лесной человек [Иванова 2004, 30]. В сказке «Вб́раянхум ос Мисхум ‘Охотник и Мисхум’» за смекалку и выдержку Мисхум одаривает человека удачей, но за непослушание вытягивает ему уши [Кумаева 2012, 156–157].

В мансийских сказках лесные люди изображаются молодыми, сильными, довольно высокими, носят косы: «Сэмыл сагна ур Мисхум, ху́рум б́тыр у́нлэ́гыт, Сэмыл сагна вб́р Мисхум, ху́рум б́тыр у́нлэ́гыт ‘Чернокосые горные Мисхумы, три богатыря восседают, чернокосые лесные Мисхумы три богатыря восседают...’» [Kannisto 1959, 78–80]. Мисхумы антропоморфны, единственное отличие от человека – это «...лишь немного выше людей (Хулимсунт). Отличить человека Мис можно по тому, что он имеет длинную шею, семь пальцев (К. Пакин)» [Источники по этнографии... 1987, 37]. По поверьям манси, живут они и теперь, но невидимы. Про них говорят: «С́ас х́альп б́лнэ м́ахум ‘За гранью, подобно тонкой плёночке бересты, живущие люди’» [Иванова 2010, 50]. Обретают же человеческий облик лишь по своему желанию. Также их именуют «Самсай утыт ‘За глазами живущие существа’».

Рядом с Мисхумом всегда присутствует его охотничья атрибутика: лук, стрелы, охотничий пояс: «Нёхсанэнтап юнтсум, у́йу энтап юнтсум ‘соболиным поясом обвязался, звериным поясом обвязался’» [Kannisto 1950, 78] и топорик. Данный инструмент напрямую не фигурирует в сказках, однако такой атрибут имеется у каждого охотника манси. Без него он не уходит на охоту. О наличии топорика у Мисхума говорит такой глагол, как с́агру́нкве ‘рубить’, который в мансийском языке сочетается только со словом «топор». Например: «Постыглас. Мисхум мину́нкве патыс, нёхыс нёвыль ху́рум лб́мтыг с́аграпастэ... ‘Рассвело. Мисхум собрался уходить, мясо соболя на три части разрубил’...» [Кумаева, 2012, 158]. Зимнюю атрибутику Мисхума дополняют лыжи, обшитые шкурой выдры. Например: Мисхум кон кв́алыс, вб́нтырсов ёсаге та масапанс ‘Мисхум вышел на улицу, быстро надел лыжи, покрытые шкурой выдры’» [Мифы... 2006, 162]. Мисхум, как и любой охотник манси, имеет собаку. Например, в сказке «Вб́раян хум ос Мисхум ‘Охотник и Мисхум’» отец, отправляя сына на охоту, предупреждает о том, чтобы тот не убивал седьмого соболя, так как это охотничья собака Мисхума. Она меньше обычного соболя: «Лёуханэ нёхыс лёух хурипат, нас тувыл м́анит ‘Следы собаки похожи на следы соболя, только меньше размером’» [Кумаева 2012, 156]. В «Мифологии манси» го-

ворится о собаке, которая ходит с Мисхумом на шёлковом шнурке. Манси считают, что если охотник подстрелил соболя с полоской на шее, то он является *ялтыу* ‘священным’, то есть принадлежит Мисхуму. Шкурку такого соболя не использовали в быту, а убирали в *тõрум тотан* ‘ящик, где содержат божество’, чтобы не огорчать лесного человека. Так манси оберегали себя и свою* семью от гнева лесного человека.

Мисхум, помимо удачи в охоте, также одаривает человека и волшебными предметами: например, удачливым охотничьим поясом, луком со стрелами или отрезом от шелкового халата или платья, которым одевают всю деревню [Тәгт ос Сакв мӕхум...2001, 75]. Следует отметить, что в постановках (сценках) во время Медвежьих игрищ Мисхума также представляют как духа, дарующего людям плодovitость. Он раздаёт присутствующим свои волосы, которые символизируют продолжение рода.

Встреча с лесным человеком в сказках происходит в лесном массиве – *пӕль вõрт* ‘в глубокой чаще дремучего леса’, в большинстве случаев – в пограничное время суток: *Этипалаг* ‘в сумерки’ или во время грозы, при этом он может как появиться, так и исчезнуть внезапно. Например: «*Тӕлкан вӕрыс, тувыл номсы: «Нӕхсум хот-нуоңкве эри, йти тах Мисхумна ӕхта-вем»* ‘Шалаш из ели сделал, затем думает: «Соболя ободрать надо, вдруг ночью придёт Мисхум»» [Кумаева 2012, 158]; «*Йти, эт котиль юи-палта, Мисхумна ты ӕхтувес* ‘В полночь пришёл Мисхум»» [Кумаева 2012, 158]; «*Аквмат этипӕлаг тысир унлыматэ, сыспӕлныл та ӕхта-ве* ‘Однажды сидел вечером, к нему со спины подошли»» [Иванова 2004, 30]. В быличках Мисхум появляется перед человеком в темное время суток или во время грозы, но на территории, смежной с лесным массивом. Одна из быличек содержит свидетельство рассказчика о том, что он встретил Мисхума возле «*кӕрас лõмт, ман матырсыр мӕ лõмт сӕйт* ‘то ли у основания скалы, то ли у основания холма’» (Зап. от Хозумова Николая Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовского района, 1932 г.р). Его появлению обычно предшествуют такие звуковые сигналы, как свист и ветер. Так, в сказке «*Пӕвильӕр ос кит ӕгигы урыл* ‘Про двух девушек и Павыльӕр’» к девушке пришёл Мисхум: «*Нõх-рохты, татем та вõтың суйты. Вõтыңыг ӕмтум. Колэ ӕт ты тотаве, татем та вот* ‘Проснувшись, слышит шум ветра. Ветрено стало. Дом может снести, такой ветер’» [Иванова 2015, 84].

Лесные люди способны оживлять не только животных, но и людей. Так, в некоторых быличках и сказках сообщается, что после смерти и захоронения умершие исчезали. В «Предания о происхождении рода Алгадьевых» читаем: «*Хум та порславес. Вõна тотсаныл. сӕптивес. Атыт хõталэт кос минӕгыт, акв хумияныл тай ӕтим. Маснутанэ хуӕгыт, ӕлмайиме, ул Миснэн, тав ӕхталас...*’ Мужчину казнили. Унесли его в лес, похоронили. На пятый день люди пошли на поминки, а его в могиле нет. Миснэ, наверное, приходила...’» [Кумаева 2012, 111]. Для сравнения приведём пример из хантыйской сказки «Миш хө ‘Лесной дух’»: после смерти девушки её забирает к себе Миш хө и делает своей женой [Сказки Гришкина... 2012, 119]. Подобный эпизод зафиксирован и в мансийской сказке «*Эква-пыгрись ялтыу мõйт* ‘Священная сказка про Эква-пыгрись’»: «*Ань Эква савыңканн ӕхтыс, номсы: “Ӕгитем вõрн та тотыма, пӕг ат та тотыма. Мõтсыр хумыг нял тыг та пинумтыма”. Экварись та номсы: “Ӕгитэ Мис хумыгн та тотвес”* ‘Та женщина на кладбище пришла, думает: “Мою доченьку, оказывается, лесные люди увели её, оказывается, не похоронили. Сюда положили, оказывается, стрелу мужчин иного рода”. Бедная женщина и думает: «Её дочь взяли в жёны Мисхумы»» [Мифы...2005, 151]. Таким образом, помимо похищения людей и детей, признаётся ещё один способ происхождения людей Мис – от умерших людей.

Мисхумы могут предсказывать будущее. Например, в сказке «Охотник и Мисхум» лесной человек предлагает охотнику разные части разрубленной тушки соболя, каждая из которых символизирует в разной степени *вõр сõт* ‘удачу в охоте’. Передняя часть – быстрое богатство, но быстрое разорение; задняя часть – бедность и нужду; средняя часть – средний достаток [Кумаева 2012, 161].

В фольклорных текстах нет упоминания о продолжительности жизни Мисхумов. Скорее всего, это связано с тем, что в сказках показан конфликт двух персонажей – положительного

(Мисмахум) и отрицательного (Менкв), и отрицательный герой всегда бывает наказан или погибает. Однако, согласно устным сообщениям очевидцев, ими было замечено кладбище лесных людей. Это место является *ялтыу* 'заповедным или святым' [Зап. от Динисламовой Светланы Селиверстовны, г. Ханты-Мансийск, 1960 г.р.]. Издревле манси полагали, что представители лесного народа не умирают, но они подвержены возрастным изменениям. В старости они идут в общий дом (туда, где солнце всходит) [Мифология манси... 2001, 91]. Там они вновь рождаются, становясь молодыми. Однако в сказках нами зафиксированы и способы их умерщвления, что доказывает, что Мисхум всё же смертен. Например, в сказке-песне «Миснэ эрыг 'Песня Миснэ'» охотник убивает Мисхума трехгранной стрелой из кедра. После неудавшейся попытки оживить отца Миснэ просит охотника вытащить стрелу, взамен этого она соглашается стать его женой. Миснэ эту стрелу называет «*пӓньтя* 'деверь, племянник'». Это указывает на возможность умерщвления Мисхума его же собственным деревом (из чего он создан, от того и умирает). Е. И. Ромбандеева отмечала, что «кедр – это дерево прародительницы Калтась» [Ромбандеева 1993, 74], в функции которой входит одаривать жизнью или лишать её.

Согласно сказкам, орудием, несущим смерть лесным людям, являются стрелы самого лесного человека. Об этом говорится в сказке «*Эква-пыгрись ялтыу мӓйт* 'Священная сказка про Эква-пыгрися'»: сёстры предупреждают своих братьев о том, что человек может убить Мисхумов их же оружием [Мифы... 2005, 144–156].

Ещё один способ умерщвления фиксируют былички. Лесные люди, так же как и менквы, боются грома и молнии. Согласно быличкам, именно во время грозы зафиксировано наибольшее количество контактов с лесным человеком. В мифологии манси громом и молнией заведует один из сыновей Нуми-Торума – Сяхыл Торум. По приказу отца он истребляет нечисть: «*Сяхыллн кургасавет вӓр мӓхум, вӓрт блнэ утыт* 'Громом убивают лесной народ, лесных существ'» (Зап. от Хозумова Петра Ивановича, д. Хурумпауль, Берёзовский район, 1952 г.р.). Считается, что в том месте, где больше всего гремит гром, находится место скопления нечистой силы.

С особой осторожностью Мисхумы относятся к огню. Видимо, здесь прослеживается связь с божественным огнём (гроза, молния). В сказке «*Вӓраян хум ос Мисхум* 'Охотник и Мисхум'» Мисхум не подходит к костру, стоит поодаль: «*Арась мӓтпал мус люли тӓлканта* 'Стоит по ту сторону костра возле шалаша'» [Кумаева 2012, 158]; «*Мисхумна аквматэрт палягӓтыл пуввес, арась ултта та хартаве...* 'Мисхум вдруг схватил его за уши и тянет через костёр'» [там же]; «*Тувыл арась ултта тактытэ...* 'Затем через костёр показывает'» [там же] и т. д.

Сказки и былички показывают, что хоть Мисхумы и положительные персонажи, но специально искать с ними встречи не рекомендуется. Они, как и менквы, могут наказывать человека, красть человеческих детей. Например, в быличке «*Вӓр Мисхум урыл потыр лӓмт* 'Часть рассказа о лесном Мисхуме'» говорится о том, что, встретив Мисхума, нельзя разговаривать с ним, так как можешь стать таким, как он, превратиться в него. В сказке «*Вӓраян хум ос Мисхум* 'Охотник и Мисхум'», записанной М. В. Кумаевой, герой, встретившись ночью с Мисхумом, молчит [Кумаева 2012, 158]. Как видим, былички содержат комплекс запретов, связанных с Мисхумом.

Инициатором встречи с Мисхумом может быть и человек. Догадываясь о месте проживания лесных людей, он провоцирует встречу с ним. Например, нарушая границы чужого локуса или нарушая запреты, такие как: «*Вӓрт ул роӓхен, ат рӓви* 'В лесу не кричи, нельзя'»; «*Вӓрт ул кисген, ат тайи. Вӓрхум ёхты* 'В лесу не свисти, запретно. Лесной человек придёт'»; «*Наскӓссыг мори ул эсыгхатен. Ат тайи. Вӓрутн хулавен* 'Зря понапрасну не хвастайся. Запретно. Услышит Лесной человек'»; «*Кӓтпос мори ул хаслен, ат рӓви. Вӓрхумн ёхтавӓн* 'Знаки (тамгу) зря не черти, нельзя. Лесной человек придёт'» и т. д. Так, в сказке-песне «*Миснэ эрыг* 'Песня Миснэ'» охотник, желая встретиться с Мисхумом, шёл и хвастался своей удалью и силой, и это не понравилось лесному человеку [Иванова 2010, 275–279]. Стоит отметить, что Мисхум не способен локализоваться в сфере жилого человеческого пространства. Встречи происходят в безлюдном месте. В сказках он приходит к девушке в лесную избушку; встречается с охотником или в лесу, или у скал, подальше от человеческого глаза.

Материал, представленный в сказках и быличках, позволяет сделать вывод, что Мисхум выступает в них обладателем разнообразных функций. Одна из функций – регулятор поведения и поступков человека, другая – даритель счастья, удачи и плодовитости. Подобными качествами обладают и удмуртский *Нюлэсмурт*, и коми-пермяцкий *Вöрись*.

«Инаковость» Мисхума, его выдающиеся параметры, способность оживлять позволили народу манси возвести его в ранг высших существ. Так, изображения Мисхумов можно иногда увидеть на мансийских святилищах. Мисхумы могут быть представлены в виде деревянных изваяний, но остроголовость (т.е. наличие «шлема», как у менквов) не обязательна [Мифология манси 2001, 91]. Иногда Мисхумы выступали и в роли духов-покровителей. Случалось, что им посвящали особые культовые места. Например, *Мисхум ёйка*, также именуемый как *Хусь ёйка*, *Сальурн ёйка* – это помощник *Нёр ёйки*³ [Ромбандеева 1993, 76], тоже имеет статус духа-покровителя.

Образ лесного человека встречается в разных жанрах мансийского фольклора. В фольклорном персонаже также нашли отражение традиционные представления народа о духах-покровителях.

Глубоко различная доминантная функция сказки и былички определяет разницу трактовки мифологического персонажа, даёт более подробную информацию о нём и его функциях. Именно былички дополняют сказочный образ Мисхума, дают полное представление о нём. Так, в сказках он отдалён от мифологического образа, его первоосновы, имеет лишь качества положительного героя. В сказках этот персонаж идеализирован, сказки призывают подражать ему, утверждают его святость. А в быличках Мисхум имеет более конкретные черты, проявляется его необыкновенность, однако он наделен и качествами отрицательного персонажа.

Анализ фольклорных текстов позволил выделить наиболее устойчивые и преобладающие признаки Мисхума, облик которого сложился из определённого набора компонентов: это и физические параметры, и одежда, и атрибут, и функции. Отметим, что его внешние черты и поведение во многом совпадают с представлениями о лесных духах у других финно-угорских народов. Это и антропоморфный вид, высокий рост, способность к метаморфозам, телесная аномалия, наличие внутрисемейных связей, набор определённых функций.

Отличие проявляется в некоторых индивидуальных деталях, которые присущи только мансийскому Мисхуму. Например, во внешности, в функциях, в возрасте. Более того, согласно мифам, Мисмахум сотворены Нуми-Торумом из дерева, поэтому кедр – дерево, знаковое для Мисхума, так как несёт жизнь и смерть. Для него характерно «пограничное» существование, т.е. способность контактировать с людьми и с представителями иного мира. Тот факт, что Мисхумы не стареют и не умирают своей смертью, а идут перерождаться в специальный дом, говорит о них как о существах божественного происхождения. Несмотря на перечисленные характеристики, присущие демоническим персонажам, в культуре манси его не причисляют в разряд демоноидов. Мисхум имеет статус положительного героя и духа. Свойственные ему черты характеризуют мифический мир как отличный от мира человеческого, особые функции также выделяют его из ряда подобных фольклорных образов. Таким образом, характеристика персонажа является одним из способов его идентификации, позволяет определить его статус, его роль и функции в системе национального мировоззрения.

Мисхум – это тот персонаж, который вошёл в сказки, былички манси и сохранил черты традиционных представлений. Он стал избранным персонажем в Медвежьих игрищах и составил локальную мужскую группу фольклорных персонажей, живущих в лесу. Этот образ имеет много общего с представлениями других финно-угорских народов. На наш взгляд, более всего параллелей образа Мисхума с представлениями о лесных духах можно обнаружить у коми-зырян, северных удмуртов. Это объясняется общими природно-климатическими условиями и давними, исторически сложившимися контактами.

³ Нёр – один из братьев Тэгт котиль ёйки, его дом в верховьях Сакв-я – священная гора на Северном Урале, его одежда и обувь из белого меха, ездил на белых оленях.

ЛИТЕРАТУРА

- Владыкина Т. Г.* Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: I. Нюлэсмурт (лесной человек/леший) // Традиционная культура в изменяющемся мире: материалы VIII Междунар. школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора». Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2009. С. 24–30.
- Гемуев И. Н.* Религия народов манси культовые места XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Голева Т. Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2010. 121 с.
- Гондатти Н. Л.* Следы язычества у инородцев Севера Западной Сибири. М.: [б.и.], 1888. 91 с.
- Иванова В. С.* Пёс-йис сáлың мáньсит мóйтаныл-потраныл = Сказания-рассказы оленных манси. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 131 с.
- Иванова В. С.* Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 282 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири / публ. Н. В. Лукиной, О. М. Рындиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Лимэни йовтэм моньтэят, яснэт. Сказки, рассказы с реки Лямы: фольклорный сборник на языке сургутских ханты / сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.
- Мифология манси. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2001. 196 с. (Серия «Энциклопедия уральских мифологий», Т. 2).
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 572 с.
- Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
- Панченко Л. Н.* Лесной великан Мёңкв – персонаж мансийского фольклора // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 658–671.
- Панченко Л. Н.* Мифологические существа как представители "чужого" мира в мансийском фольклоре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 4. С. 605–614.
- Панченко Л. Н.* Персонажная структура мансийского фольклора: лесная женщина Миснэ // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 692–701.
- Попова С. А.* Древнее население Северного Урала по мифам северных манси // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 4 (18). С. 89–97.
- Попова С. А.* Миграция манси и фольклорные мотивы: к проблеме фольклора как исторического источника (на примере северной группы манси) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 101–114.
- Попова С. А.* Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
- Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом, Сев.-Сиб. рег. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / пер. с хантыйского языка П. Т. Тарлина. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 132 с.
- Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 176 с.
- Тáгт мáхум мóйтýт – потрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / сост. В. С. Иванова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 126 с.
- Тáгт ос Сакв мáхум потраныл-мóйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1. Сáлы урнэ óйка мóйтýт. Сказки оленевода / сост., пер. с манс. языка С. А. Поповой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
- Kannisto A.* Wogulische Volksdichtung: Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1959. 363 s.
- Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 s.
- Panchenko L. N.* Menk/giant of the Forest in folklore of the people of Mansi // Research transfer. Part 1. Beijing, PRC: Scientific publ. house Infinity, 2018. P. 231–235.

Поступила в редакцию 21.12.2020

Панченко Людмила Николаевна,

научный сотрудник

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,

г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А,

аспирант Югорского государственного университета.

e-mail: pan4enko.ludm@yandex.ru

L. N. Panchenko

CHARACTER STRUCTURE OF MANSI FOLKLORE: FOREST MAN MISKHUM

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-60-71

Mansi folklore is the richest material for research in the field of folklore, linguistics, ethnography and other sciences. Comprehension of folklore genres and images opens new boundaries for the study of representations reflected in codes and symbols. The characters of folklore are people, animals, elements, fantastic (mythical) creatures. In this article we will focus on one character – Miskhum. In Mansi folklore, he is presented as a forest man, whose main function is to help forest dwellers, hunters, disadvantaged orphans. Miskhum belongs to a local group of characters living in the forest. Extensive information about him is contained in fairy tales, stories and myths.

The aim of the study is to conduct a systematic analysis of the image of Miskhum on the material of folklore texts and folk ideas.

The research materials were field material of the author, as well as the texts of Mansi fairy tales published in various folklore collections, in periodicals.

This work adds to the scientific knowledge about the Mansi folklore. For the first time, on the basis of folklore, linguistic and literary data, the image of a forest man is subjected to system analysis, and its functionality is revealed. The anthropomorphism of the image, its desire for socialization, distinguishes the folklore image from the mythological. Possession of the ability to metamorphosis, the desire to provide assistance, to bestow people with magical objects and abilities, all these qualities allowed Miskhum to be elevated to the rank of higher beings. In the traditional views of individual local groups, the Mansi Miskhum is exalted to the status of a patron spirit.

The complex of prohibitions, ritual actions, the system of amulets existing in the Mansi determine the boundaries and degree of human interaction with Miskhum. The material opens up possible prospects for continuing research into the character and plot structure of Mansi folklore.

Keywords: Mansi folklore, forest man, Miskhum, prohibitions, tales, tales, myths, anthropomorphism, socialization, functions, symbols.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 1, pp. 60–71. In Russian.

REFERENCES

Vladykina T. G. *Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: Nyulehsmurt (lesnoi chelovek / leshii)* [Images of forest spirits in Udmurt mythology and folklore: Nyulesmurt (the forest man / leshy)]. *Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushchemsya mire: Materialy VIII Mezhdunar. shkoly mladogo fol'klorista "Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushchemsya mire" i seminar "Permistika: yazyk i stil' fol'klora"* [Traditional culture in a changing world: Proceedings of VIII International school of the young folklorist "Traditional culture in a changing world" and the seminar "Permistika: language and style of folklore"]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2009. Pp. 24–30. In Russian.

Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi: Kul'tovye mesta* [The religion of the Mansi people: places of worship]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 192 p. In Russian.

Goleva T. G. *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the system of worldview of the Komi-Permyak]. Saint-Petersburg: izdatel'stvo «Mamatov» Publ., 2011. 121 p. In Russian.

Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severa Zapadnoi Sibiri* [Traces of paganism among the Aborigines of the North of Western Siberia]. Moscow: [w/p], 1888. 91 p. In Russian.

Ivanova V. S. *Pēs-iis sālyy mān'sit mōitanyl-potranyl. Skazaniya-rasskazy olennykh mansi* [Tales and stories of the deer Mansi]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2015. 131 p. In Mansi and in Russian.

Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konets XIX – nachalo XXI veka)* [Local features in the rites of the Northern Mansi (the end of XIX – beginning of XXI century)]. Khanty-Mansiysk: IIC YUGU Publ., 2010. 282 p. In Russian.

Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri [Sources on ethnography of Western Siberia]. Comp. by N. V. Lukina, O. M. Ryndina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1987. 284 p. In Russian.

Jiməŋi y vtəm mon't'ət, yashə. Skazki, rasskazy s reki Lyamy: Fol'klorni sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Tales, stories from the Lyama River: Folk collection in the language of the Surgut Khanty]. Comp. by A. S. Pesikova, A. N. Volkova. Khanty-Mansiysk: Yugrafika, 2013. 328 p. In Khanty and in Russian.

Mifologiya mansi [The mythology of the Mansi.]. Novosibirsk: Izdatel'stvo arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2001. 196 p. In Russian.

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Comp. by N. V. Lukina. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury Publ., 1990. 558 p. In Russian.

Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. In Mansi and in Russian.

Panchenko L. N. *Lesnoi velikan Mēykv – personazh mansiiskogo fol'klora* [The forest giant Menkw as a character of Mansi folklore] // *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studie]. 2018; No 8(4), Pp. 658–671. In Russian.

Panchenko L. N. *Mifologicheskiye sushchestva kak predstaviteli "chuzhogo" mira v mansiyskom fol'klore* [Mythological creatures as representatives of the "alien" world in Mansi folklore] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019; No 4, Pp. 605–614. In Russian.

Panchenko L. N. *Personazhnaya struktura mansiiskogo fol'klora: lesnaya zhenshchina Misne* [Structure of characters of Mansi folklore: the forest woman Misne]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies]. 2019; No 9 (4), Pp. 692–701. In Russian.

Popova S. A. *Drevnee naselenie Severnogo Urala po mifam severnykh mansi* [Ancient population of the Northern Urals according to the myths of the Northern Mansi] // *Tomskij zhurnal LING i ANTR* [Tomsk Journal LING & ANTHRO]. 2017; No. 4 (18), Pp. 89–97. In Russian.

Popova S. A. *Migratsiya mansi i fol'klornye motivy: k probleme fol'klora kak istoricheskogo istochnika (na primere severnoi gruppy mansi)* [Migration of Mansi and folklore motives: to the problem of folklore as a historical source (on the example of the Northern Mansi group)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2016; No. 4 (27). Pp. 101–114. In Russian.

Popova S. A. *Obryady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rites of passage in the traditional Mansi culture] Tomsk: Izd-vo Tom un-ta Publ., 2003. 180 p. In Russian.

Rombandeyeva Ye. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i yego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [The history of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: AIIK "Severnnyy dom" i Severo-Sibirskoye regional'noye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1993. 208 p. In Mansi and in Russian.

Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'yevicha [Fairy tales of Grishkin Gennady Grigoryevich]. Comp. by P. T. Tarlina. Khanty-Mansiysk: Izdatel'skiy dom "Novosti Yugry" Publ., 2012. 132 p. In Khanty and in Russian.

Skazki, predaniya i bylichki verkhnesos'vinskikh mansi [Fairy tales, legends and bailichkas of the Upper Sosva River Mansi]. Comp. by M. V. Kumaeva. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 176 p. In Mansi and in Russian.

Tāgt mākhum mōjtyt – potryt. Skazaniya-rasskazy lyudei Sos'vy [Tales-stories of the people of the Sosva River]. Comp. by V. S. Ivanova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004. 126 p. In Mansi and in Russian.

Tāgt os Sakv mākhum potranyl–mojtanyl. Rasskazy-skazki naroda Sos'vy-Sygyv. Vyp. 1. Sāly urne ojka mojtyt. Skazki olenevoda [Stories-tales of the people of Sosva-Sygyva. Issue 1. Tales of the reindeer herder]. Comp. by S. A. Popova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. 108 p. In Mansi and in Russian.

Kannisto A. *Wogulische Volksdichtung: Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto; bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola.* Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1959. 363 p. In German.

Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p. In German.

Panchenko L. N. *Menk/giant of the forest in folklore of the people of Mansi. Research transfer. Part 1.* Beijing, PRC: Scientific publ. house Infinity, 2018. Pp. 231–235. In English.

Received 21.12.2020

Panchenko Lyudmila Nikolaevna,

Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,

Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A,

Post-graduate student of the Yugra State University.

e-mail: pan4enko.ludm@yandex.ru